

Чжансунь Циму выглядела совершенно равнодушной, словно не обращая внимания на ее слова, но Цзин Жань подняла руку, чтобы шлепнуть ее по голове, и Цзян Байси, уклонившись, пробормотала:

— Ладно, ладно, у меня есть важные новости.

Цзин Жань все еще держала руку наготове, подняв бровь, как бы намекая, что если новости не важные, то шлепок все же последует.

Цзян Байси надула губы:

— Я только что получила сообщение, что посольство Ули завтра отправляется домой.

Цзин Жань опустила руку, думая, что с Нового года прошло уже больше двадцати дней, и Цзинь Ян, задержавшись в столице Цинъюэ на это время, вряд ли просто скучала. Вероятно, она воспользовалась тем, что Чжансунь Циму уехала с ней из столицы, и, освободившись от ее контроля, тайно занималась своими делами.

Цзян Байси, видя, что никто не реагирует, добавила:

— Восьмая принцесса Цинъюэ, Чжансунь Цичунь, добровольно попросила разрешения на брак с вторым принцем Ули и завтра отправится с ним в Ули.

Цзин Жань повернулась к своей спутнице, но Цзян Байси недовольно нахмурилась:

— Разве мои новости могут быть менее оперативными, чем ее?

Как только она закончила, за окном раздался голос Ло Но:

— Принцесса, из столицы пришли новости. Восьмая принцесса добровольно попросила разрешения на брак с Ули, и император одобрил это. Завтра она отправится домой вместе с посольством Ули.

Чжансунь Циму даже бровью не повела, просто ответила:

— Поняла, можешь идти.

Цзян Байси с торжеством сказала:

— Похоже, мои новости быстрее, чем у этой деревяшки.

Цзин Жань с сомнением посмотрела на ее самодовольное выражение, думая, что новости ее спутницы вряд ли были медленнее, просто она тайно следовала за ней, и передача сообщений занимала больше времени.

Цзян Байси смотрела на Чжансунь Циму, но та не собиралась ничего говорить, а вместо этого передвинула тарелку с рыбой перед Цзин Жань.

— ... Видя, что Цзян Байси снова собирается нахмуриться, Цзин Жань задумчиво спросила:

— Сколько ты знаешь о внезапном исчезновении драгоценной наложницы Ли?

Чжансунь Циму сосредоточенно ответила:

— Я пока не нашла ее, но она отправилась в Ули.

Цзян Байси нахмурилась:

— Это точно проделки той золотой куклы?

— Вряд ли, ведь она отправилась туда одна, — отрицательно покачала головой Чжансунь Циму.

— Драгоценная наложница Ли прибыла в Цинъюэ пятнадцать лет назад, как раз когда я родилась. С самого начала она проявляла необычайный интерес к моей матери, поэтому все эти годы я считала, что она шпион, посланный Ули. И действительно, я выяснила, что у нее есть тайная сила, которую она может контролировать. И на этот раз она воспользовалась этой силой, чтобы вернуться в Ули.

Цзин Жань нахмурилась:

— Есть ли связь между ее бегством в Ули и выкидышем?

Чжансунь Циму не ответила сразу, а после паузы сказала:

— Хотя причина ее возвращения в Ули неизвестна, моя мать всегда была доброй и заботилась о наложницах во дворце, особенно о наложнице Дуань, которая происходила из бедной семьи и получала много помощи от моей матери, поэтому они всегда были близки, и это было известно всем в империи. Так что, если ее выкидыш связан с восьмой принцессой, это можно использовать, чтобы обвинить мою мать.

— А то, что у императора долгое время не было наследников, началось после твоего рождения, что позволяет легко обвинить императрицу в отравлении наложниц и наследников. А ты, как единственный законный наследник императрицы, не только не сможешь избежать обвинений, но и будешь обвинен в убийстве своих братьев и сестер, — добавила Цзин Жань.

Чжансунь Циму закрыла глаза, а Цзян Байси продолжила:

— И если императрица и законная принцесса так поступают, Цинъюэ теряет свою позицию, поэтому Ули может воспользоваться этим, чтобы выдвинуть любые требования, например, начать войну или, — она посмотрела на Цзин Жань, четко произнося:

— Потребовать тебя в жены.

Цзин Жань взглянула на нее, затем снова на Чжансунь Циму, спросив:

— Но здесь есть ключевой момент: как они убедили или заставили наложницу Дуань выступить с обвинениями?

— Это просто. Если наложница Дуань не обвинит императрицу, драгоценная наложница Ли может обвинить Чжансунь Цичунь. Наложница Дуань, желая защитить дочь и не предать императрицу, на банкете в честь дня рождения императора намеренно попытается убить ее, создав видимость отчаянного поступка, а затем покончит с собой, чтобы взять всю вину на себя.

Хотя это звучало логично, Цзин Жань все же чувствовала, что что-то не так, и, прищурившись, сказала:

— Все остальное понятно, но у драгоценной наложницы Ли нет достаточных доказательств,

чтобы обвинить Чжансунь Цичунь. Использовать ее для угроз наложнице Дуань кажется неубедительным.

Чжансунь Циму вдруг подняла глаза, с одобрением посмотрев на Цзин Жань, и с легкой насмешкой сказала:

— Наложница Дуань вошла в дворец в двенадцатом году правления Тяньци, она была уличной продавщицей цветов, которую император случайно встретил во время южного тура и взял с собой. Все эти годы она была мягкой и спокойной, и только после ее смерти я выяснила, что ее настоящая личность — тайный агент, внедренный Ули в дворец Цинъюэ семнадцать лет назад.

Цзин Жань и Цзян Байси одновременно подняли брови, а Чжансунь Циму продолжила:

— Я также выяснила, что в Ули она была дочерью знатной семьи, которая внезапно потеряла свое положение. Она должна была быть казнена, но тайно была выбрана королевским домом Ули, чтобы стереть свою прежнюю личность и войти в Цинъюэ как шпион, где провела семнадцать лет. Поэтому Ули могло использовать ее без угроз, она была уже подготовленной пешкой.

— Хотя она так поступила, не предав императрицу, она предала Ули, нарушив принципы пешки. Но она все же выбрала смерть, чтобы защитить тех, кого хотела, и это достойно уважения, — Цзян Байси даже вздохнула, с сожалением добавив:

— Она была несчастной женщиной, все эти годы в Цинъюэ она жила спокойно и дружелюбно, вероятно, мечтая о обычной жизни. Если бы Ули не замыслило этот план, она могла бы наслаждаться еще несколькими днями покоя.

Цзин Жань с улыбкой посмотрела на ее нахмуренное лицо, внутренне тоже немного вздохнув.

Все говорят, что правитель должен быть решительным и жестоким, с сердцем, твердым, как камень.

Но на самом деле такие, как Цзян Байси, с мягким сердцем и сохранившие свою сущность, действительно могут понять страдания народа и знать, как управлять государством с добротой и заботой.

Поздняя зима, снег, протянувшийся на тысячи миль, и в столице Цинъюэ также наступило время легкого тепла и холода.

В огромном дворце Фэнци мерцали зеленые огни, свечи горели мягко, а лицо императрицы было скрыто за занавеской, делая Чжансунь Цичунь еще более неразличимой.

Выслушав длинный и спокойный, но полный сложных эмоций разговор, императрица не проронила ни слова, а лишь произнесла:

— Мамушка Ду, проводи восьмую принцессу.

Спокойные шаги раздались из-за занавески, и Чжансунь Цичунь взглянула на мамушку Ду, продолжая смотреть на силуэт императрицы:

— Так даже если моя мать умерла по вашему приказу, вы не можете сказать мне, что связывает вас с драгоценной наложницей Ли?

— Хотя я не против взять на себя эту вину, но, — императрица опустила голову, небрежно поигрывая с жемчужным ожерельем в руках, и медленно подняла глаза:

— Ты действительно знаешь, кем была твоя мать?

Чжансунь Цичунь напрягла губы, упрямо сказав:

— Пожалуйста, просветите меня.

— Самым большим желанием твоей матери было увидеть, как ты выйдешь замуж, родишь детей и будешь счастлива. Поэтому, — в глазах императрицы появилась тень сожаления, и она взглянула на нее с печалью:

— Раз уж ты выбрала отправиться в Ули, оставь свои мысли о мести и спокойно возвращайся домой.

Чжансунь Цичунь внезапно застыла, ее лицо стало белым, как бумага.

Легкий снег падал с неба, бесшумно касаясь земли.

Цзян Байси, закончив ужин, перешла от стола к теплой кровати, лениво держа чашку чая, не собираясь уходить.

Цзин Жань посмотрела на нее, затем подтянула Чжансунь Циму к себе и, наклонившись, спросила:

— Тебе нечего делать?

— Ничего, — лениво подняла веко Цзян Байси.

— Тебе не нужно готовиться к завтрашнему отъезду? — снова спросила Цзин Жань.

— Этот снег будет идти еще несколько дней, — Цзян Байси взглянула в окно. — Не смотри, что снег в Ганьцю легкий и прозрачный, на самом деле он тает, едва коснувшись земли. В такую погоду, если отправиться в путь, не говоря уже о холоде, сопровождающие и слуги превратятся в ледяные глыбы.

Цзин Жань также взглянула в окно, понимая, что придется задержаться здесь еще на несколько дней, а значит, ее спутнице будет легче вернуться, не спеша.

Автору нечего сказать.

<http://bllate.org/book/16717/1537107>